

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-225-233

УДК 821.161.1

**Композиция и изобразительные мотивы
древнерусского пергаменного сборника
конца XIV — начала XVI вв.**

© 2019, А.С. Демин

Аннотация: Древнерусские рукописные сборники тоже могут являться литературными памятниками и пополнять историю литературы Древней Руси. В предлагаемой статье с литературоведческой точки зрения анализируется один из таких древних сборников, прежде всего — его композиция. Высказывается догадка о жизненном оптимизме анонимного составителя сборника после ожиданий конца света в 1492 г. (7000 г. по древнерусскому летоисчислению). В приложении публикуется еще не издававшееся анонимное поучение против пьянства с описанием отвратного поведения пьяниц.

Ключевые слова: древнерусская литература, сборники, композиция, изобразительность.

Информация об авторе: Анатолий Сергеевич Демин, д.ф.н., главный научный сотрудник, ИМЛИ РАН, Москва, Россия.

E-mail: anatolydemin@gmail.com

Цитирование: Демин А.С. Композиция и изобразительные мотивы древнерусского пергаменного сборника конца XIV — начала XVI вв. // Литературный факт. 2019. № 2 (12). С. 225–233. DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-225-233

Продолжая рассмотрение древнерусских рукописных сборников как литературных источников¹, обратимся к пергаменному сборнику из собрания Свято-Троицкой Сергиевой лавры («Книга глаголемая Сборникъ»; НИОР РГБ, Троицк., Главн. собр., № 39, в лист, 242 л.). Он был описан иеромонахом Арсением² и содержит преимущественно поучения и жития. Его полный анализ сейчас не входит в нашу задачу. С литературной же точки зрения этот древний сборник интересен, в частности, множеством изобразительных описаний (правда, мелких) примерно в половине его статей, сгруппированных по темам.

Начнем с определения структуры сборника. По нашим предварительным наблюдениям, сборник, вернее, сборная рукопись, писан несколькими почерками и состоит из трех частей. Первая часть — л. 1–55, посвящена чтениям по неделям перед и после Великого поста и обрывается на полуслове самого начала «Почтения» Иоанна Златоуста. Вторая часть — самая большая, но уже по месяцам года, л. 55 об.–192 об., другим почерком, начинается с «Чуда Иоанна Богослова о Кунопе-волхве» и тоже обрывается на начале высказывания Тимена. Третья часть — л. 193–238 об., иным (третьим?) почерком, начинается без заглавия выписками из «Палеи» и тоже обрывается на начале высказывания пророка Илии. Конец сборника, л. 239–242 об., составляет писанное еще одним (четвертым?) почерком «Послание о рае» Василия Калики.

Иеромонах Арсений датировал сборник концом XIV в. Г.А. Лончакова прибавку списка «Послания о рае» отнесла к концу XV — первой половине XVI в.³ Таким образом, сборник окончательно сформировался в начале — первой половине XVI в.

Части сборника различаются не только по структуре, но и по преобладающему содержанию статей и изобразительных мотивов. В первой части выделяются статьи о человеческих и космических катастрофах. Во второй части большинство составляют статьи о мучениках и пустынноиках. Третья часть — более, скажем так, «бытовая» и «географическая».

Масштабно изобразительна первая («постная») часть сборника. Чаще всего в этой части нагнетаются потрясающие картины конца мира: «тогда огненная река съ яростью потечеть [...] камене пожигаючи, и источници и моря иссякнутъ от огня того, и въздухъ потрясется, и звезды съ небесе спадуть, солнце и луна въ кровь преложится»;

¹ См: Демин А.С. О жанровом составе рукописного сборника, принадлежавшего боярину М.П. Головину // Литературный факт. 2018. № 8. С. 160–175.

² Арсений. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1878. Ч. 1. С. 46–49.

³ Лончакова Г.А. Легенда о земном рае // Библиосфера. Новосибирск, 2011. № 1. С. 20.

«небеса жгома будуть, и стухия горяща растають»⁴. И соответственно описывается трагическая гибель человечества: «кости ваша будуть [...] во дровь место»; «не узрите стадь пасушихъ на горах, ни ратаи вашъ не воспоетъ на ниве, ни воль не понесеть на шии ярма»; «аки прахъ ветром, тако расею вы»; «въсплachtetся земля, аки девица красна» [л. 44–44 об., 45 об.–46, 47, 48. «Слово» пророка Исаии о последних днях].

Перед всеобщей катастрофой ужас охватит людей: «глас трубы от небеси, *страшно* возопиющее, услышимъ»; «яко громъ великъ будеть тогда, и кличь великъ, и гласъ *страшень*»; «вельми бо есть *страшно*», «*страшно* есть» [л. 8, 9, 11, 17 об. «Слово» Ефрема о втором пришествии]; и т. д. Последуют всяческие наказания: «песья мухи [...] начнуть [...] терзати зеньки младенцемъ вашимъ» [л. 46. «Слово» пророка Исаии о последних днях]; «готовь преклонною шиєю хотящимъ его заклати» [л. 4 об. «Слово» Иоанна Златоуста о блудном сыне]; грешников «от судища изгонити начнуть, аки скоть [...] бьюще» [л. 15 об. «Слово» Ефрема о втором пришествии]; и пр.

Во второй («помесячной» или «житийной») части сборника, как и следовало ожидать, больше изобразительных деталей телесной бедности и мученичества отшельников и подвижников: «власы [...] тело покровено, яко же зверь страшень; бяше бо одежею нагъ и листовиємъ быльяномъ въ чресла свои препоясанъ [...] пристрашень бывъ» [л. 139. Житие пустытника Ануфрия]; «повели камениемъ бити я в лице»; «дрекколиемъ пребивати голени ихъ» [л. 104 об., 109. Память о 40 мучениках]; «кровь же течааше на землю ис телесъ ихъ [...] главы же ихъ възнизашау на копища и поставляяху предъ враты града, враны же [...] паряху надъ стенами града» [л. 112. О семи ефесских отроках].

Наконец, третья («приземленная») часть сборника полна картинами «географическими» и жизненно-обыденными. Изображается великое земное пространство: «възиди на гору високу, възри на [...] поля, и како тия узрятъ пасомая стада — не аки ли мравиеве и мшица суще? [...] Корабли, плавающие по морю, не хужьми ли всякого голуби мняться зраку твоему?» [л. 198. «Стихи» из Палеи]. Добавленное позже «Послание о рае» Василия Калики вполне соответствует третьей части сборника.

Люди благочестивые в третьей части кротко плачут: «слезами моими посылую мою омочю»; «убрусецъ ж онъ, на очию его лежащъ, полнь слезъ сущъ» [л. 224, 236 об. Анастасия-мниха о шестом псалме]. Больные отвратительно болеют: «на гнои лежаща [...] и всю плотъ его червьми изьядающа» [л. 238 об. «Слово» о злых женах]; приходится

⁴ Рукописный сборник РГБ, Троицк., Главн. собр., № 39. Лл. 8–8 об., 17 об. «Слово» Ефрема о втором пришествии. Далее ссылки на листы сборника приводятся в скобках в тексте статьи.

«порты отирати гноя на собе, чрепомъ гребаше прыщье» [л. 235 об. «Слово» Кирилла Киприйского о злых духах]. А грешники безумствуют: даже «кроткый убо пьяница, аки болванъ, аки мерьтвецъ, валяется [...] и, домочився, смердить [...] нальввся, аки мехъ, до горла [...] не могши главы своя възвести, смрадом отрыгаа» [л. 231. «Слово» о пьянстве].

Трехчастную композицию сборника (Страшный суд — праведники — земля и грешники) можно объяснить тем, что составитель начала XVI в. собрал сборник из разных рукописей, точнее, из трех разных «блоков» статей. Предполагаемый смысл такой композиции у составителя: раз конца света пока не наступило, то жизнь продолжается. Поэтому оптимистичны первая и последняя статьи сборника: вступительная статья — о человеческом милосердии и доброте, а заключительная — о сохранении рая на земле.

Поэтому и какое-то тяготение к яркому предметно-изобразительному изложению проявилось у составителя сборника, отчего при отборе памятников возникли изобразительные переключки между частями сборника. Так, противостественные, мучительные состояния и болезни людей изображались не только во второй и третьей частях сборника, но и в первой его части: например, персонаж «стоя въ великия мrazy, дондеже нозе его примерзасъта къ камени»; «оному же [...] вступль ногама босыма, ста на пламени» [л. 53 об., 54. «Слово» Исакии-мниси, иже в Кееве прелщену от бесовъ». Из «Повести временных лет»]. Возмутительное поведение грешников описывалось тоже не только в третьей части сборника, но и в первой: «горе пьющимъ съ гусльми, и сопелями, и с плясаниемъ» [л. 14 об. «Слово» Ефрема о втором пришествии]. Горе и слезы людей присутствовали опять же не только в третьей части, но и в первой: «прослезився и в персьи бия» [л. 15. «Слово» Ефрема о втором пришествии]; «руками биующися по персомъ» [л. 3. «Слово» Иоанна Златоуста о блудном сыне]. Бедность персонажей изображена не только во второй части, но и в первой: «азъ хожу въ овчинахъ и в козияхъ кожах, лишень, озлоблень» [л. 6. «Слово» Иоанна Златоуста о блудном сыне]. Кроме того, предметы, взятые из рая, упоминаются во второй части сборника, а потом в конце сборника: «от раа возьмъ [...] *ветвие* и иже листвие красное [...] *плоды* различны собе взяша» [л. 180 об. Из Скитского патерика]. Ср.: «в раю былъ и три *яблока* възмя»; «принесе *ветвь* из раа» [л. 240, 243 об. Послание Василия Калики о рае].

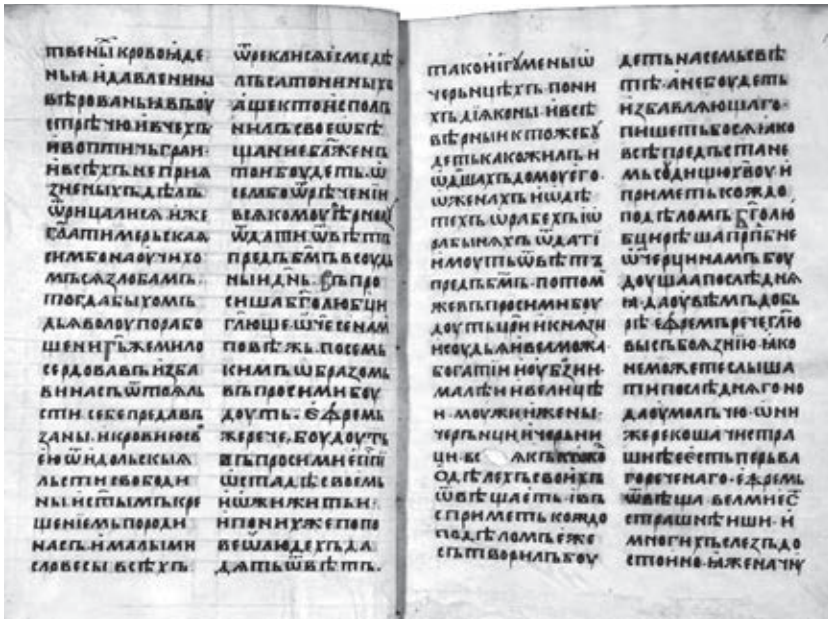
Созданию некоторого единства трехчастного сборника, возможно, помогли традиционная изобразительность и традиционные предметные детали самих древних поучений и житий.

К сожалению, композиционных аналогий данному сборнику пока найти не удалось.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Поучение о пьянстве

Поучений против пьянства в древнерусских сборниках довольно много, но переводных. Русские — редки. У приводимого ниже анонимного поучения, которое иеромонах Арсений определил как русское, заголовков отсутствует. Список поучения в данном пергаменном сборнике по почерку можно датировать началом XV в. Скорее всего, поучение компилятивно, на что указывает сходство с предшествующим ему в сборнике тоже анонимным «Словом святыхъ отецъ о посте великомъ»,

Рукописный сборник РГБ, Троицк., Главн. собр., № 39. Л. xx

которое встречается в сборниках уже второй половины — конца XIV в.⁵ Кроме того, компилятивность подтверждается тем, что большой отрывок текста этого поучения о пьянстве от слов «поганых норомы держа и любя» [л. 230] и до слов «любит же подобныя себе» [л. 231 об.] кочевал уже по некоторым «Измарагдам» конца XV — начала XVI в., а кроме того находился в составе «Слова Иоанна Златоустаго о невестающих на

⁵ Например, в «Измарагде» РГБ, Рум., № 186 и в «Златой цепи» РГБ, Троицк., № 11.

утреню»⁶. Возможно, этот отрывок в поучении о пьянстве и был заимствован из приписываемого Иоанну Златоусту «Слова о невестающих на утреню»: ведь в пергаменном поучении о пьянстве вдруг однажды неожиданно упоминается заутреня: «Вижь, колико лиха дееши, пропивая заутреню» [л. 231]⁷. Отрывок же о «синих очах» пьяницы тоже был перенесен из «Слова о пьянстве» Антиоха. В результате поучение получилось довольно неуклюжим.

Древнерусский текст данного поучения о пьянстве не издавался. Деление текста на абзацы сделано по киноварным инициалам в рукописи.

(л. 229) Брате, не весте ли, яко пьянство Богу ненавидимо есть? Самъ Богъ рече своимъ апостоломъ: «Пьяници царства Божия не на (229 об.) следять, но уготована имъ мука с татми, съ прелюбодеи и съ разбоинику».

Иже бы не пити отинудь — того не възбраняет велми. Святеи бо отце не възбраниша намъ того пития ни ясти въ законъ и в подобно время, но отрекли обядения и пьянства. Не ядь бо, ни пья дияволь, но спаде съ небесь долу. А Павель-апостоль, ядь и пья, възыде на небеса. Еже бо не пити отинудь досажение есть бывши твари, от Бога сътворении.

Питье бо умнымъ есть на веселие, а несмысленымъ еже чясто упиватися въ пьянство — неизбытныи грехъ. Не рече бо Писание: «Не пити», но: «Да не упиваются, въ пьянство да не пьют».

Симъ подобает пити, еже может пьянство скрыти въ утробе и злая словеса въ устехъ удержати.

Иже бы безумны, упився, не блудиль, то могли быша сему и мервтивии подивитися.

О много пиющих бо речено есть сице: «Кому горе — пья (л. 230) ници; кому мятежь и молва, кому скаредия и мерзост, кому сини очи и носъ; кому горе и съкрушение вѣтще — не пребывающим ли въ вине, въ пьянстве, назирающих, где пирове бывають?»

Пьяница бо подобень есть свинии. Свинья бо аще где не внидеть, то рылом притѣкнеть. Тако и пьяница: аще где не внидет в пирь, то умомъ постоить. О, люте, брате, как уму въспримемъ, въ льготе живуще и лентящая къ церкви, пропивающе вечернюю, и заутреню, и часъ молитве! Что творяши, человече, бесчинно и скаредно живыи, поганых норовы держа и любя! Техъ бо то есть веселие упиватися, а не христианином. А христианином когда отобедати, тогда и отпити. А ты седиши весь день,

⁶ См.: *Архангельский А. С.* Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Казань, 1890. Т. 4. С. 41–42.

⁷ Ср. также сборник РГБ, Троицк., № 762, XV в., л. 152 и сл.

погубль си питьем, ни орудеи вмогии ка тому сътворити ни телесных, ни душевных, но все продая и на питье и душею, и теломъ.

Дивно бо есть поистине в чась брашна (л. 230 об.) наястися, а весь день погубити, пьюще.

То мню, яко бесловеснии скоте и зверие, ни Бога ведуще, ни орудеи имуще, ни Суду чяюще, от дель праздни. Но [н]и те смеють ми ся, аще и не глаголють, то, помышляю, глаголють: «Мы [не] несмыслении скоте, когда отобедаемъ, тогда и отпиемъ». А сию человеце несытии, егда ину утробу имуть брашну, а ину питию; покоя не имуть, пьюще, и льют, аки въ утель съсудъ, дондеже възбесуют от пьянства.

Две бо еста различьи пьянству. Единъ убо еже се мнози хвалять, ркуще: «То есть не пьяница, иже, упився, ляжетъ спати. Но то есть пьяница, иже, упився, толчетъ, биеться, ярится, лается.

Но аз же покушаюся указати о сихъ, яко кроткыи, упився, съгрешаетъ, аще и спати ляжетъ. Не удоумею, к чему приложити пьянаго: скотину ли его нареку, но и того скотее; зверь ли его прозову, но и того (л. 231) зверья неразумнее.

Кроткыи убо пьяница, аки болванъ, аки мерьтвецъ, валяется; многжды бо осквернився и домочився, смерьдитъ. Егде убо кроткыи пьяница въ святыи праздникъ лежить, [то] не моги двигнутися, аки мертвъ, раслабивъ свое тело, мокръ, нальався, аки мехъ до горла.

Богобоязливимъ же, наслаждающимъ сердца въ церквах пения и чьстения, аки на небесе, мнятыя стояще. А пьяница не моги и главы своая възвети, смрадомъ отрыгаа от многаго питья.

Чимъ есть разно поганыхъ? Да умолкнете глаголющеи: «Аще упьюся, но не съворю греха лиха». Вижь, колико лиха дееши, пропивая заутреннюю и чась молитвы.

А кроткыи убо пьяница, възлюбивъ пространство zde, а тамо съ богатымъ онемъ въ огне горети начнетъ, капля водныя прося устудити языкъ, и не обрящеть, аще и смерть застанет в томъ.

Деряживыи (*дерзкий*) же пьяница не токмо себе врежает, но и инехъ. А говеющимъ бого (л. 231 об.) любцемъ поносить и укаряет. Аще ли есть властель, то вся хочет повинутти своєї пагубе, бояся укора; ненавидит говейныхъ, любит же подобныя себе, иже и въведуть въ огонь, потакви творяще и блазьянщещи лестви.

Се перваго закона обычаи имеете празднующаго, новаго же благодатнаго: а не мно[го] трапезнаго, ни пивнаго, ни игръ съставимъ, яко же невернии. Наипаче убогыя накоръмляите, одеваите. Избавляите обидимыя. Беднымъ помагаите. Миръ и любовь межи собою держите. А брашною трапезою несть моления къ Богу. Богъ бо рече: «Не ямь мясь тельчих, ни крови козлиа пию. Пожри Богови жерьтву хвале

и въздажь вышьнему обеты твоя. Призови мя въ день печали твоя — избавлю тя. И прославиши мя». Жерътва Богу — душа съкрушена и сердце смирено. Богъ не уничижить, и паки близъ есть Господь съкрушенных сердцемъ.

Спасаеть ж единою сею жерътвою приемлющих чистою съвестию тело и кровь Христову. А бра (л. 232) шнаа трапеза и питвеная несть мольба.

Пиюще же въ упои, не подобает приывать святых на помощь пьянствомъ, но трезвым умомъ приывать святыхъ на помощь молитвеную, о гресех Богу молящеся. А от пьянаго никоея же молббы (!) приемлеть Богъ. Духъ святый пьянаго ненавидеть, и бежит его аггель-хранитель. Яко и поганяя Богъ набдить, а пьяницъ ненавидеть.

А убогыя ж Бога деля не до упоя напаяте, да мзды си не погубите. Рече Богъ: «Милости хошу, а не жерътвы». Се не упиватися велит, но многыя трапезы и многыя пьянства оставим жидомъ и еллином. Техъ бо есть се дело, а не християнско. Те ибо радуются праздникомъ церковнымъ, а не духовнымъ, бесовьстеи угоднице и поборьници им.

А намъ речено християномъ ясти и пити въ славу Божию и в подобно время. А не рыгати парюю объядъственою, смрадомъ пьянымъ. Паки же да питаемъ брашны святыхъ книгъ, а в питья место — святыхъ отецъ учения и сказаня. Се праздникъ (л. 232 об.) Богу, се святымъ радост, се душамъ спасение, се телу здравие, се ангилу-хранителю неотходное блюдение, се прогнание бесом.

Прияхомъ бо обычаи и научени есмы чрево работными учителя, им же богъ чрева и слава, потаковницы и лихоимъцы. Сами преступающее святыя заповеди добытка деля погибелнаго и самовластнаго души на пагубу и на муку вечную.

А идеже есть съблюдение заповедемъ, ту душамъ спас[ние], и телесемъ съблюдение, грехомъ отдание. Богу нашему слава и (*конец фразы не дописан, что характерно для концовок статей данного сборника*).

Литература

Арсений. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Ч. 1. М.: Тип. Т. Рис, 1878. 352 с.

Архангельский А.С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Т. 4. Казань: Тип. имп. Казанского ун-та, 1890. 228 с.

Демин А.С. О жанровом составе рукописного сборника, принадлежавшего боярину М.П. Головину // Литературный факт. 2018. № 8. С. 160–175.

Лончакова Г.А. Легенда о земном рае // Библиосфера. Новосибирск, 2011. № 1. С. 19–26.

References

Arkhangel'skii A.S. *Tvoreniia otsov tserkvi v drevnerusskoi pis'mennosti. T. 4* [Church fathers' works in the Old Russian literature. Vol. 4]. Kazan, Kazan University Publ., 1890. 228 p. (In Russ.)

Arsenii. *Opisanie slavianskikh rukopisei biblioteki Sviato-Troitskoi Sergievoi lavry. Ch. 1* [Description of the Slavic manuscripts in the Trinity Lavra of St. Sergius library. Part 1]. Moscow, T. Ris Publ., 1878. 352 p. (In Russ.)

Demin A.S. O zhanrovom sostave rukopisnogo sbornika, prinadlezhashego boiarinu M.P. Golovinu [On the genre composition of a manuscript collection from M.P. Golovin's library]. *Literaturnyi fakt*, 2018, no. 8, pp. 160–175. (In Russ.)

Lonchakova G. A. Legenda o zemnom rae [The legend of earthly paradise]. *Bibliosfera*, Novosibirsk, 2011, no. 1, pp. 19–26. (In Russ.)

Composition and figurative motives of an Old Russian parchment collection of the late 14th — early 16th centuries

© 2019, Anatoly Demin

Abstract: Old Russian manuscript collections can also be literary monuments and enrich the history of literature of Kievan Rus'. In the present article, one of these ancient collections, and first of all its composition, is analyzed from literary point of view. A speculation about optimism of the anonymous compiler after the expectations of the end of the world in 1492 (7000, according to Old Russian chronology) is given. The appendix presents an unpublished anonymous premonition against drunkenness with a description of disgusting behavior of drunks.

Keywords: Old Russian literature, literary collections, composition, figurativeness

Information about the author: Anatoly Demin, Doctor Hab., chief research associate, RAS Institute of World Literature, Moscow, Russia. E-mail: anatolydemin@gmail.com

Citation: Demin A.S. Composition and figurative motifs of an Old Russian parchment collection of the late 14th early 16th centuries. *Literary fact*, 2019, no. 2 (12), pp. 225–233. DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-225-233